

Михаил Арцыбашев

О Толстом

Михаил Петрович Арцыбашев О Толстом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2849095

Аннотация

«Если бы в то время, когда Моисей шел умирать на гору, а Иисус возносился на небо, существовали газеты, божественные легенды вряд ли дошли бы до нас в виде легенды. Вместо них были бы бюллетени. В этих бюллетенях была бы правда, но правда о предсмертной изжоге, икоте и судорогах. Нужна ли человечеству эта пошлая правда? – спрашивает один публицист...»

Михаил Петрович Арцыбашев О Толстом

Если бы в то время, когда Моисей шел умирать на гору, а Иисус возносился на небо, существовали газеты, божественные легенды вряд ли дошли бы до нас в виде легенды. Вместо них были бы бюллетени. В этих бюллетенях была бы правда, но правда о предсмертной изжоге, икоте и судорогах. Нужна ли человечеству эта пошлая правда? – спрашивает один публицист.

Странный и легкомысленный вопрос: правда никогда не бывает пошлой. Она может быть страшной, отвратительной или жестокой, но пошлость не живет в правде. И прежде всего и всегда надо знать правду, хотя бы неполную, хотя бы только о предсмертной изжоге. Даже изжога даст больше, чем самая сладостная легенда, ибо легенда есть обман, и каким бы возвышающим ни был он, неизбежно сомнение и разочарование, а за ними полное отчаяние.

Боже мой, как далеко были бы мы теперь от того топкого, не дающего никакой опоры ногам человека места, на котором стоим, если бы человечество шло путем правды, какова бы она ни была, а не бросалось из стороны в сторону за болотными огнями красных вымыслов.

Многие, в газетных статьях, письмах и личных беседах, спрашивали меня, почему я не принял участия в похоронах Толстого?

Я никогда не стремился в Ясную Поляну, когда Толстой был жив, а теперь, когда он умер, стало известно одно из его последних писем. «Вечные гости, кинематографы, авиаторы и проч. сделали отвратительной мою жизнь, я должен отдохнуть...»

Конечно, это говорилось не о тех, нищих духом, которые шли к Толстому за разрешением мучительных сомнений и хотели воплотить или воплощали в своей жизни заветы его учения. Такие делали его жизнь полной смысла, и таких он хотел и не мог не хотеть видеть. Это были родные его по духу, и сердце его радовалось и болело вместе с ними.

О чем стал бы говорить с ним я? Какое удовольствие могло доставить старику посещение писателя, по духу искренно чуждого его вере?... Удовольствие спора? Нам не надо было для этого видеть физиономии друг друга. Я был известен ему как писатель, и если бы мои взгляды на жизнь интересовали его, он мог бы прочесть мои книги, как я прочитал его. Заставлять же его интересоваться мною, заставлять спорить я не хотел. В моей жизни он сыграл слишком большую роль, чтобы я не чувствовал к нему благодарности и не жалел бы его. И как жаль, что так же не поступали все те, кто лез к нему без всякого определенного дела, наполнял его дом суетой дворцового приема, ходил за ним по пятам и, наконец, —

«отравил ему жизнь»! Бог знает, сколько раз Толстой мечтал о том, чтобы черт убрал всех этих назойливых мух, лезущих ему в глаза и уши, чтобы осталось возле него несколько человек, и в тихой беседе с ними, в уединении яснополянском, мог бы он пожить, подумать и помолиться по-своему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.